

К 556

№ 20 МОСКВА 20 ИЮЛЯ 1947

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ГОД ИЗДАНИЯ XXVI

ЦЕНА НОМЕРА — 1 РУБ. 20 КОП.

К Р О К О Д И Л

С ФИЗКУЛЬТПРИВЕТОМ!

Друзья, возьмите! Не впервые
Вам брать рекорды мировые!

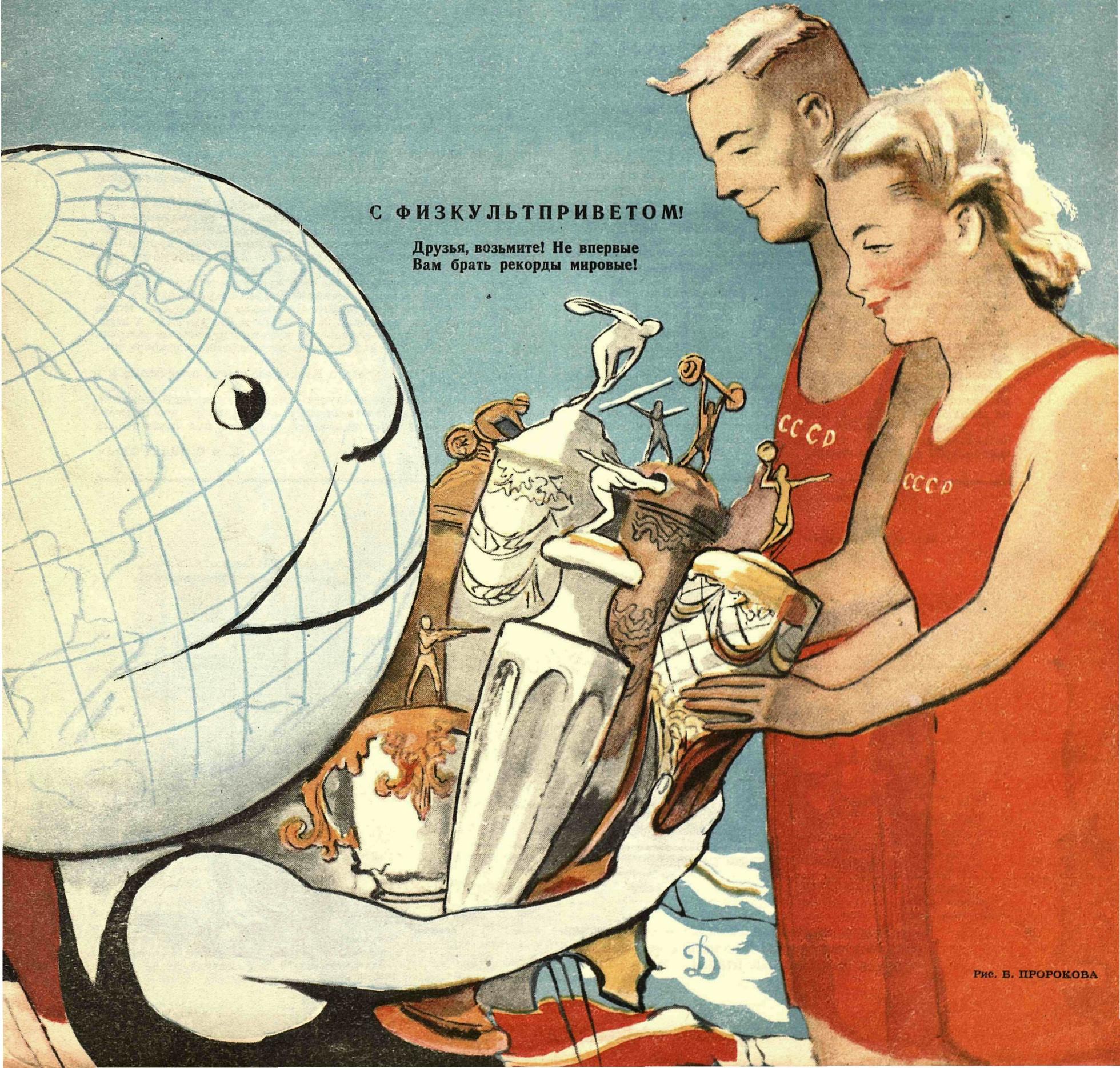

Рис. В. ПРОРОКОВА

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ о факирах и фокусниках

НА ЭСТРАДЕ и в цирке давно уже поговаривают о необходимости перестроить и обновить старое искусство манипуляций, иллюзий и фокуса. И в самом деле, не пора ли заменить на наших подмостках традиционного индийского факира с фальшивым рубином на чалме более актуальной фигурой? Не пришло ли время отказаться иллюзионистам от их обветшалого реквизита — всех этих шпаг, цилиндров, медных кухонных ступок, в которых толкут взятые у зрителей часы, и китайских ваз, из которых выскакивают живые кролики?

Да, время для перестройки пришло! Но деятели эстрады и цирка уверяют, что вопрос упирается в кадры, что некому сказать новое слово в мире иллюзий.

Неправда, товарищи! Кадры есть. Надо только их поискать, пройтись по нашим городам и весям, заглянуть в учреждения и стройки с подозрительно разбухшим аппаратом, побывать в кабинетах больших и малых начальников, склонившихся с недовольной миной над штатным расписанием... В одном только Казахстане, например, можно будет подобрать с десятка выдающихся фокусников и манипуляторов, которые до сих пор незаслуженно остаются в тени.

Кто, скажем, знает А. Казанцева из Чимкента? Талантливый чародей вынужден работать здесь заместителем директора Южно-Казахстанского облторга. Но и занимая этот скромный пост, А. Казанцев проделал любопытный фокус. На вакантную должность агронома он зачислил сверхштатную машинистку. Эффектное превращение машинистки в агронома не требует ни сложной аппаратуры, ни роскошных аксессуаров. Казанцев лишь ловко манипулирует штатным расписанием.

Любители таких манипуляций находятся в Казахстане не только среди торговых работников. Вот заведующий Талдыкурганским районо Кокубаев. Вместо того чтобы сеять разумное, доброе, вечное, он тоже занялся фокусами.

Понадобился Кокубаеву кучер... А штатами районо кучер не предусмотрен. Не велика беда! Кокубаев зачисляет своего кучера... инспектором вечерних школ. Номер удался! С инспектором на козлах Кокубаев гордо разъезжает по улицам Талды-Кургана.

Но, пожалуй, все рекорды манипуляций со штатами побил начальник алмаатинского строительного управления Казкадемстрой Б. Гербановский.

В июле прошлого года в этом управлении начала работать техником гражданка Т. Родд. В августе Родд — уже не техник, а инженер-сметчик. В сентябре она копировщица, в октябре архитектор. В ноябре Родд достигает зенита: ей поручают «проектирование комплекса планировки обсерватории».

Как вы правильно догадываетесь, головокружительная карьера гражданки Родд — это всего лишь иллюзия, это только фокус со штатным расписанием. В приказах и ведомостях Родд из месяца в месяц трансформировалась то в инженера, то в архитектора, а работала всё это время сверхштатным личным секретарём начальника управления.

Штат дипломатических и торговых представителей в Москве для Казакадемстрой тоже не предусмотрен. Тем не менее управление обзаводится в столице собственным чрезвычайным послом и полномочным представителем, именуемым в просторечии «толкачом». Секрет и этого фокуса прост. Толкач Соловьёв числится в штатах инженером-деревообделочником.

Но вот штатные должности благополучно распределены между нелегальными послами и замаскированными секретаршами. А надо строить. Для этого управлению нужны настоящие инженеры, техники, производители работ. Как тут быть? Места-то все заняты.

Маг и факир Гербановский находит выход из положения. Специалистов направляют на стройки в качестве... чернорабочих. Но это опять-таки только ловкий трюк, тонкий фокус!

Прораб на стройке Дома специалистов или же начальник строительства кирпичного завода лишь числится чернорабочим, спокойно прорабствуя и начальствуя. Вместо же заработной платы им в конце каждого месяца выписывают наряды на «переноску 300 тысяч штук кирпича». Кирпич остаётся лежать на месте, а в наряде чудесным образом появляется отметка, что задание выполнено на 300 процентов и прораб получает тысячу целковых.

Но через некоторое время приходится снова платить, на этот раз уже не за иллюзорную, а за вполне реальную переноску кирпича. Фокусы со штатами и нарядами обошлись Казакадемстрой в сотню тысяч рублей.

Да, штатные фокусы — дорогое развлечение! Недавно на первой сессии Верховного Совета Казахской ССР рассказывалось в прениях о том, как манипуляторы из республиканского треста Птицепром догнали себестоимость пятимесячной курицы до 1053 рублей 40 копеек. Надо полагать, что в Птицепроме на каждую курицу приходилось по одному факиру.

Можно ли после этого говорить о нехватке кадров для перестройки всех чародейских жанров! Кадры есть. Найдутся они, конечно, не в одном Казахстане. Не только в маленьком тихом Талды-Кургане, но, возможно, и в большом Свердловске и шумном Ростове на Дону имеются свои кудесники, которые не прочь если не персонального конюха, так сверхштатного шофёра числить юрисконсультом.

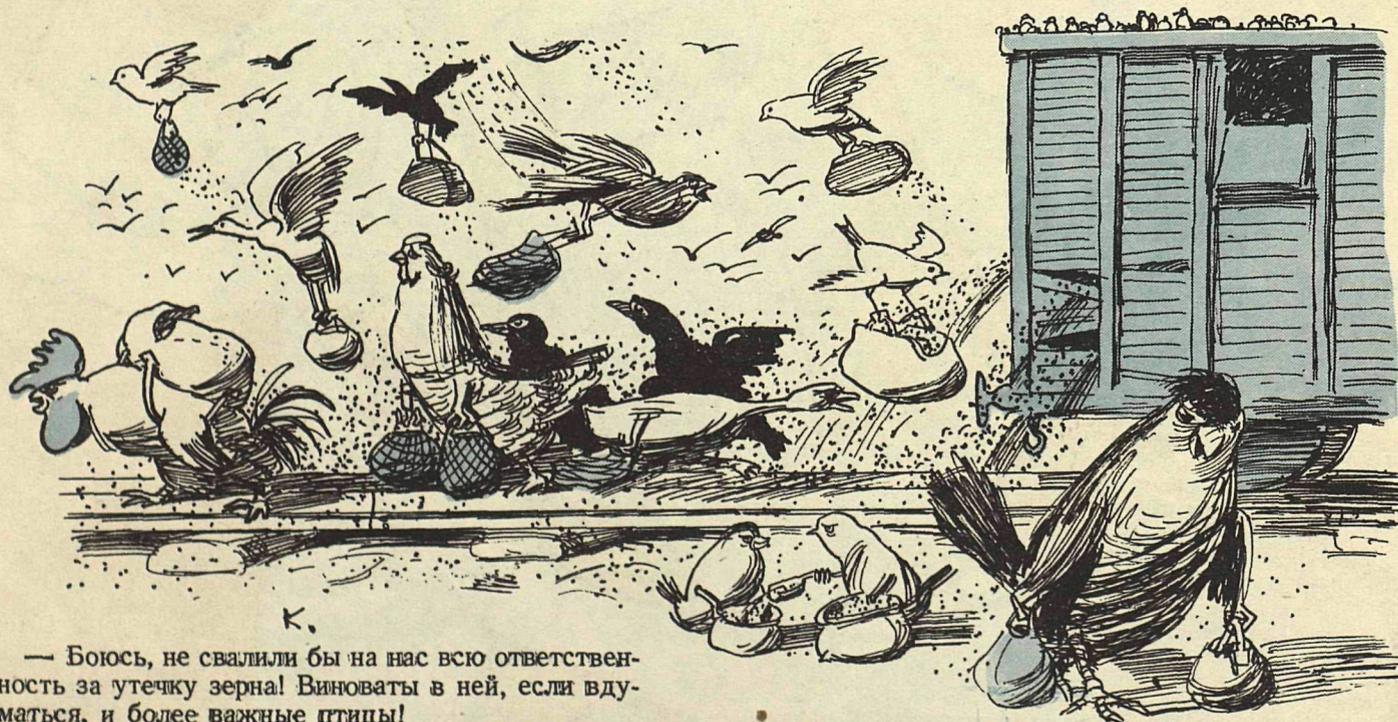
Последователи чимкентского Казанцева могут отыскаться и в Курске и в Ашхабаде.

Факиры и фокусники найдутся повсюду, где ещё попустительствуют штатным излишествами и не понимают, что штатное расписание — совсем неподходящий реквизит для циркаческих манипуляций.

Е. и С. ШАТРОВЫ

КТО ВИНОВАТ?

Рис. А. КАНЕВСКОГО

— Боюсь, не свалили бы на нас всю ответственность за утечку зерна! Виноваты в ней, если вдуматься, и более важные птицы!

Бор. Ефимов-47

«Весна» хоть и запоздалая, но хорошая и весёлая!

ОТ СОБСТВЕННОГО
КОРРЕСПОНДЕНТА

Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

ВЕНА. Австрийские судебные органы в американской зоне оккупации ведут энергичную борьбу за освобождение Австрии от фашистов. Для начала освобождаются от фашистов австрийские тюрьмы. Так, например, недавно были выпущены на свободу крупные гитлеровцы Шеллер, Роган и другие, имена которых значатся в официальном списке военных преступников.

МАДРИД. Имевший недавно место в Испании «референдум» прошёл, как утверждают во франкистских кругах, в условиях «полной свободы волеизъявления». «Никакого давления на население, — заявляют франкисты, — мы вообще не оказываем. Кто хочет стоять за Франко, — стоит, кто не хочет, — сидит».

Совсем особенная статья

(МОРЯКАМ КО ДНЮ ИМЕНИН)

Нет, нет, друзья, я не таков,
Чтоб сухопутных обижать,
Но, право же, у моряков
Совсем особенная статья.

Без формы и без якорей
В любой толпе наверняка
Берусь из тысячи людей
Узнать я друга-моряка.

У моряка — морская речь,
Морской, особенный язык,
Ведь даже встать, и сесть, и лечь
Моряк по-своему привык.

Моряк не едет, не плавёт —
Он по морям привык ходить,

И чай такой он крепкий пьёт,
Какой никто не может пить.

В речах и в пище он всегда
Предпочитает, что остро.
Когда другие скажут: «Да!»
Моряк промолвит вам: «Добро!»

Но это всё ещё пустяк,
А главный признак тут такой,
Что самый лучший друг — моряк,
И самый звонкий смех — морской!

Нет, нет, друзья, я не таков,
Чтоб сухопутных обижать,
Но, право же, у моряков
Совсем особенная статья!

У К С У С

В ПОСЛЕДНЕЕ время мне пришлось довольно часто бывать на этаких московских «посиделках», именуемых семейными вечеринками.

Беранже не раз воспевал весёлую дружескую пирушку за бутылкой доброго вина.

Но, кроме доброго вина, весёлой пирушки, наши отцы хлебали и кислый уксус мещанских журфиксов.

Журфикс отличался от пирушки тем, что на пирушку звали тех, кого хотели видеть, а на журфикс — тех, кого нужно было позвать.

Точно постоянным организатором их был старик Фамусов:

«О боже мой, что станет говорить княгиня Марья Алексевна!»

И вот на многих семейных вечеринках, на которые в последнее время меня закидывал злой рок, лежала густая тоскливая тень старого, мещанского журфикса.

Кто же и как его возрождает?

И почему?

* * *

Когда Бузынин вернулся домой, Ольга Андреевна спросила его с лукавой улыбкой:

— А ну, Василёк, вспомни, что за день будет в воскресенье?

— В воскресенье, по всей вероятности, будет воскресный день, — быстро сообразил Василий Кондратьевич, швыряя портфель на стул.

— Ну, а число?

— По-моему, 25 мая.

— А чем это число знаменательно?

Бузынин подошёл к календарю, висевшему на картонке, изображающей физкультурного юношу со свекольным румянцем на лице, и быстро перекинул несколько листков:

— Если сведения, сообщаемые этим печатным органом, верны, то в этот день никаких событий не произошло.

— Кроме того, что родилась моя мама, — немного обиженно сообщила Ольга Андреевна.

Бузынин развёл руками:

— Ну, Олечка, это — несчастье, так сказать, семейного масштаба, и оно календарём не отмечается.

Ольга Андреевна рассеянно посмотрела на мужа, видимо, что-то прикидывая, и вдруг неожиданно протонала:

— Плохо наше дело, Василёк! Придётся отпраздновать эту дату.

— Мамино рождение! — встрепетнулся Бузынин. — Но ведь она уже шесть лет живёт во Владивостоке. Не выписывать же старуху по этому поводу в Москву!

— Старуха может спокойно оставаться на месте. Уверю тебя, гостям будет абсолютно безразлично, где она находится.

— Зачем же тогда огород городить? — недоумевал Василий Кондратьевич.

— Мы уже больше года ничего не устраивали. Просто неудобно перед знакомыми. У Воловацких справляли новоселье, у Кати собирались, когда она сделала себе новые зубы, Лидия Сергеевна и Карп Георгиевич вспрыскивали ремонт мебели...

Легкомысленный Василий Кондратьевич произнёс бодрым тоном заядлого энтузиаста:

— Ну и прекрасно! Устраивать, так устраивать. Вино у нас есть. Позови Катю, Рязанских и Семёна Семёновича. Вшестером и посидим. Как говорится, в тесном дружеском кругу.

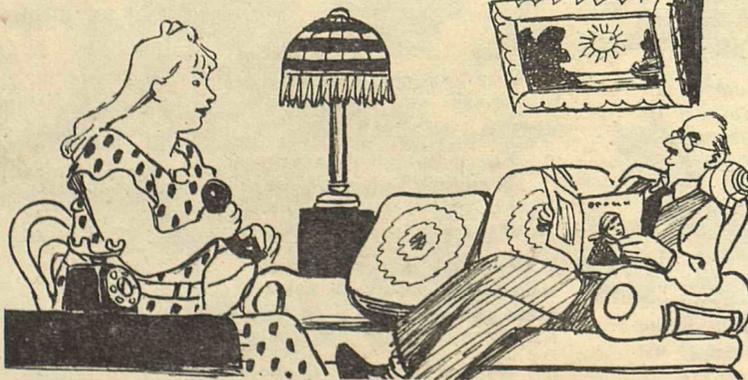
— Вшестером! — горько усмехнулась Ольга Андреевна. — Я с удовольствием посидела бы даже вшестнадцатером. Боюсь, что нам придётся сидеть втридцатишестером. Это будет о-очень тесный круг.

— Что-о?

— Я составила список гостей. Выходит тридцать шесть человек и трое под вопросом. Меньше никак.

Весь энтузиазм Бузынина моментально слинял, точно его окатили мощной струёй из дворничьего брандспойта:

— Но это немислимо! Где ты их всех посадишь? На антресолях, что ли?

Жена вздохнула:
— Как-нибудь рассядемся. Сдвинем ломберный и кухонный столики, возьмём две тумбочки из спальни, варин сундук — он достаточно высок — и ту ржавую газовую плиту, которую соседи выкинули на лестницу.

Эта идея её заметно ободрила:

— Знаешь, Василёк, если накрыть эту плиту какой-нибудь плохой скатертью, получится изящный столик, минимум на восемь персон.

— А куда эти персоны будут девать ноги? — осведомился Василий Кондратьевич.

— Куда-нибудь денут. Не отрежут, не беспокойся. Вон у Воловацких хуже было. Сорок четыре человека, а квартира меньше нашей. Трое гостей весь вечер сидели в передней на велосипедах.

Ольга Андреевна проницательным, инспекторским взором окинула комнату:

— За рояль тоже можно кого-нибудь посадить. Помнишь, прошлый раз у нас кто-то ужинал за роялем?

— Помню. Ещё бы! Клавиши до сих пор воняют селёдкой.

Бузынин нервно подошёл к физкультурному юноше со свекольным лицом, перекинул несколько листков календаря и, с мрвчным отчаянием уставился на красную цифру проклятого воскресенья:

— Неужели никак нельзя сократить этот список?

— Никак.

— А если ударить по родственникам?

— По родственникам я уже достаточно сильно ударила. Остались только самые близкие. Не дальше тёти Дуни.

И жена протянула Василию Кондратьевичу длинный реестр, испещрённый поправками и пометками.

— Ну-с, например, какого дьявола ты приглашаешь этого напыщенного верзилу Лазуркина? Ты же отлично знаешь, что я его терпеть не могу.

— Знаю. Я его сама не люблю. А ещё больше его законную жабу Лину Даниловну.

— Вот и вычеркни их! На две физии... то есть на две персоны, будет меньше.

— Что ты, Василёк! — замерла Ольга Андреевна. — Как можно? Лазуркины страшно обидятся. Они же нас в прошлом году два раза звали.

— Могли и не звать. Не велика была б потеря. Я тогда чуть не околею с тоски.

— Повидимому, ты готов окончательно разобидеть людей, — закинула Ольга Андреевна.

Бузынин в полной растерянности плюкнулся на тахту. Вид у него был такой жалкий, что жена подошла к нему и, нежно поцеловав в темя, сказала:

— Не надо расстраиваться, Василёк. Мало ли что бывает в жизни. Перенесли же мы ремонт квартиры, перенесём как-нибудь и вечеринку.

Константин Львович Лазуркин на воскресенье, 25 мая, проектировал преферанс. В свои редкие свободные вечера он любил предаваться этому виду лёгкой карточной атлетики.

Но не тут-то было!

— Костя, имей в виду: в воскресенье мы у Бузыниных, — предупредила жена, та самая Лина Даниловна, которую Ольга Андреевна назвала законной жабой.

— По какому такому случаю? — забеспокоился Константин Львович, чувствуя, что преферанс гибнет.

— У олепкиной мамы день рождения. Оля сама звонила. Просила, чтобы мы обязательно были.

— Ни за что! — отрезал Лазуркин.

— Почему?

— Ненавижу этого пустомелю Василия Кондратьевича. От его остроумия моментально укачивает, как на пароходе.

— Но они обидятся! — пригрозила Лина Даниловна.

— Пускай себе обижается на здоровье.

Жена покачала головой и стала выговаривать своему верзиле-мужу так, точно перед ней был десятилетний несмышлёныш:

— Боже мой, какие вы все невыдержанные, мужчины! Я сама не в восторге от Бузыниных. Но что поделаешь? Люди очень хотят, чтобы мы были. И страшно обидятся, если мы не придём. Олечка так просила!

Лазуркин взвыл:

— Но это же форменная пытка!

— Один вечер можно потерпеть и пытку.

— Но на прошлой неделе я уже терпел новоселье у Воловацких!

— Да, конечно, у Воловацких было не очень весело, — согласилась Лина Даниловна.

— Не очень весело?! Как на похоронах. Даже на похоронах веселей. По крайней мере, играет оркестр, слушаешь музыку, а тут целую ночь патефон скрипел один и тот же бостон.

Жена зловеще молчала.

— А у Бузыниных будет ещё тоскливей, — скулил Константин Львович. — Сначала будем маяться, ожидая ужина. Потом будем маяться, ожидая конца ужина. Затем будем маяться, ожидая той минуты после ужина, когда уже считается пристойным уйти.

— Ничего, ничего. Зато хорошо поужинаешь.

— Поужинаешь, чорта с два! У Воловацких за столом меня так стиснули, что за весь вечер я не смог даже до селедки дотянуться. Зато мой новый костюм попробовал все соуса.

Лина Даниловна сразу опечалилась:

— Да, на этих семейных вечеринках платья просто гибнут. Прошлый раз на меня два салата опрокинули. Даже туфли были в майонезе.

— А ты к Бузыниным надень старый капот и шлёпанцы. Всё равно в этой давке никто ничего не разберёт.

— Ну, ну, не преувеличивай. Ты ещё не знаешь, что будет у Бузыниных.

А у Бузыниных было то, что у Воловацких.

Гости томились у стен. Две перезрелые сестрицы Олечки суетились, имитируя юность и оживление. Молодой человек с пробором старательно обтанцовывал всех наличных толстух. Драматург-сангвиник, приглашаемый за болтливость на все вечеринки, рассказывал анекдоты, над которыми смеялся ещё Борис Годунов. А знатные супруги из Большого театра, позванные затем, чтобы перешибить Воловацких, у которых на новоселье был суфлёр МХАТ, за весь вечер не проронили ни одного слова.

Когда поздно ночью Лазуркины возвращались домой, Константин Львович свирепо сказал:

— Ещё одна такая вечеринка — и я начну кусаться.

* * *

Боже, как я его понимаю!

Кому же всё-таки нужен этот уксус?

Как видите, никому!

Одни возрождают журфикс из глушного тщеславия, другие — из подражания, третьи — из страха перед тем, «...что будет говорить княгиня Марья Алексевна!»

Ян САШИН

На пленуме ССП

В стихах отчёты очень редки.
И заявляю наперёд,
Что эти краткие заметки —
Не репортаж и не отчёт.

Итак, на зал бросаем взгляд:
Вокруг ряды как таковые,
Но между тем в рядах сидят
Писатели нерядовые.

Они со всех концов страны
Сюда стеклись потоком лавы —
Одни в сияньи седины,
Другие в ореоле славы.

Не перечислить постатейно
Там процитированных строк,
Но вот вам пленума итог:
Крепки идейно и Фадейно,
Идём мы лучшей из дорог!

Тиски регламента жестоки:
Иных к пространности влечёт,
Но красноречия потоки
Здесь властно взяты на учёт.

Вургун с блистательным размахом
Речь посвятил иранским шахам,
Одев её, как ризами,
Репризами из Низами.

Потом Барто сказала речь,
Гордясь детгизовскою маркой.

Она не трогала предтеч,
Но всё ж была такою яркой,
Как вспышка магния, — на то
Она и Агния Барто!

Твардовский обратил внимание
Коллег прославленных своих
На то, что часто «трепетанья
Не достаёт у молодых».

Ему сказала Инбер Вера,
Что это странная манера
И зря затраченная пруть:
О молодых нужна забота,
Чтоб на Парнас им не ворота,
Так хоть калитку приоткрыть.

Ну, словом, было много споров,
Дискуссий пламенных, в которых
Над всем, бесспорно, верх берёт
Стремленье дружное — вперёд!

И, сотканный рукою женской,
Любовью общено согрет,
Сюда же на ковре туркменском
Явился Пушкина портрет.

И в этот миг взглянуть бы вам бы
На аплодировавший зал!
Я от волненья даже ямбом
Четырёхстопным записал!

ВСЕ ОТНОСИТЕЛЬНО

В Костромской, Ярославской, Владимирской и ряде других областей, несмотря на большие урожаи грибов и ягод, заготовка их почти не производится. Большой и дорогостоящий аппарат, созданный для этой цели, бездействует.

Рис. И. СЕМЕНОВА

- Во что обошлась нам заготовка одной ягоды?
- В сорск семь рублей шестьдесят три копейки.
- Дешевле грибов! Каждый гриб обошёлся нам ровно в полсотни.

ДОРОГОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ

(ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ)

ЧАСЫ показывали полночь. Но большинство столиков в кафе ещё было занято.

Вошёл новый посетитель. Молодой человек в шляпе, низко надвинутой на глаза, напрямик пересек залу, стремительно направляясь к кассе. Кассирша встрепенулась, но обладатель широкополой шляпы, быстро сунув руку в задний карман брюк, громко сказал мальчишеским, неустоявшимся голосом: — Без паники! Мне понадобится не вся ваша выручка. Мелочь оставьте себе.

Все сидевшие в кафе повернулись в сторону говорившего. Никто не встал. Некоторые даже продолжали прихлёбывать свой кофе, с интересом наблюдая, как кассирша обеими руками выгружает деньги из кассы, и старалась определить наглаз, сколько долларов достанется начинающему бандиту.

— Держу пари, что этот парень поживится не больше, чем тремя сотнями, — обращаясь к нам, сказал, сосед-американец.

— Это что же? Грабёж? — спросили мы.

— Да, — улыбнулся сосед, — вам повезло: вы видите самый настоящий грабёж, и это не стоит вам ни доллара. В кино вам за это пришлось бы платить деньги.

— Но... надо же придти на помощь этой женщине! — взволновались мы.

— Этой женщине не угрожает опасность, — ответил сосед.

И пока гангстер, не выпуская пистолета, рассовывал левой рукой по карманам долларовые бумажки, наш собеседник стал объяснять удивлённым русским самёте простыне на его взгляд вещи:

— Эта кассирша застрахована. У нас в Америке все кассиры застрахованы на случай ограбления. Это проще, безопаснее и, если хотите, прибыльнее, чем бороться с бандитизмом. Так что в данном случае беспокоиться нужно не кассирше и, конечно, не нам, а правлению страховой компании...

Страховое дело поставлено здесь на широкую ногу. Средний американец страхуется весьма охотно. Неуверенный в завтрашнем дне, он не любит неприятных неожиданностей. Случай всё равно может в одно мгновение вышибить из-под него зыбкую базу экономического благополучия.

В Америке страхуют человека и целиком и по частям. Отдельно — верхние конечности и отдельно — нижние. Каждая нога знаменитой конькобежки Сони Хенни застрахована в круглую сумму. Застрахованы и ноги кинозвезды Бетти Грейбл.

Чтобы не перечислять всевозможные происшествия, подстерегающие владельца автомобиля, специальные общества страхуют его отом «от всех случаев, какие только могут быть». Застрахованный таким образом американец мчит со скоростью ста километров в час до тех пор, пока не налетит на другого застрахованного. Тогда одна страховая компания начинает тяжбу с другой, стараясь доказать, что катастрофа произошла как раз по вине того автомобилиста, который пожелал застраховаться у конкурентов.

Не страхуют в Америке только от безработицы. Многие неприятности, от которых всё же страхуют, кажутся совершенно анекдотическими. Так, например, работников медицины страхуют от... претензий пациентов.

Этот вид страхования имеет немалый спрос на американском континенте. Причиной тому своеобразная постановка здравоохранения.

Как ни странно звучит для уха советского гражданина «страхование от претензий пациентов», но когда это самое ухо начинает болеть в Америке, то приходится обращаться к американскому врачу. Так случилось с одним из наших попутчиков — директором крупнейшего советского предприятия товарищем В.

Товарищ В. направился к врачу и пожаловался на боль в ушах.

— Ол райт! — сказал доктор. — Раздевайтесь!

Недоумевая, но относив всё происходящее за счёт пресловутого американского сервиса, товарищ В. скинул одежду. Врач потребовал снять и обувь. Товарищ В. совсем умилился, раздумывая над тем, как внимателен этот заокеанский врач. А врач меж тем энергично выстукивал и выслушивал своего пациента, заставляя его присаживаться и вставать, подкакивать и растопыривать пальцы. Через полчаса, вогнав пациента в пот, врач, потирая руки и ободряюще улыбаясь, сказал:

— Могу вас обрадовать. С точки зрения нервной системы у вас всё в порядке.

— Постойте, а уши? У меня же болят уши!

— Уши — это не моя сфера. Но я вам порекомендую специалиста. Я запишу вам адрес, — с этими словами врач протянул счёт на 25 долларов.

Товарищ В. добродушно решил, что недоразумение произошло из-за того, что он нетвёрдо знает английский язык, и тут же проследовал по указанному адресу.

— Доктор, — сказал товарищ В., — у меня болят уши, посмотрите, пожалуйста.

— Человеческий глаз нередко бывает бессилен, — наставительно произнёс врач. — Мы прибегнем к помощи техники. У меня рентгеновская установка последней конструкции. Раздевайтесь.

Несколько минут шипели рентгеновские лампы, врач вертел пациента и так и эдак и, наконец, сказал:

— У меня самая совершенная аппаратура и всё же я не усмотрел никаких причин для волнения. Со стороны лёгких у вас изменений нет.

— При чём тут лёгкие? — тяжело дыша, возмущился товарищ В. — У меня же уши болят, уши!

— Ах, уши! Я не отоларинголог, — с сожалением сообщил врач. — Но могу направить вас к большому специалисту в этой области. Вот вам адрес, — и врач вручил пациенту счёт на 30 долларов.

Товарищ В. понял, что он попал в руки шарлатанов-врачей, которые передавали его друг другу на предмет выкачивания долларов.

Однако предъявлять к ним претензии было бы безнадежным, так как они наверняка застраховали себя от этих неприятностей и пациенту пришлось бы иметь дело со страховым обществом, располагающим для таких случаев целым штатом опытных юристов.

Подобные происшествия не единичны в Америке. Не так давно газеты сообщали о шайке врачей, вступивших в сговор с оптиками и беззащитно обиравших людей с большими глазами.

В штате Коннектикут мне самому пришлось покупать очки. Я обратился к местному оптику, тот сказал:

— Без рецепта врача сделать ничего не могу.

— Но я ведь знаю, какие мне нужны стёкла. Я уже десять лет ношу очки. И свой потерял час тому назад, купаясь в озере.

— Всё равно, — отвечает аптекар, — вам придётся обратиться к врачу. Вот его адрес.

Городок маленький. Аптека одна, а врач живёт за двадцать миль. Пришлось ехать. Приехали, смотрим, народу полная приёмная. Насчитали восемь человек. Я хотел было махнуть рукой и уйти, а сестра говорит:

— Вам придётся ждать не больше шестнадцати минут. Наш доктор работает быстро...

— Что вас привело ко мне? — спросил врач. Я объяснил ему.

— Садитесь. Смотрите. Какая буква? Так. А эта? Хорошо. Вот вам рецепт. Стоит пять долларов. Ол райт! Будьте здоровы!

Дорогой в автомобиле я стал разглядывать рецепт и удивился.

— Разве в Америке близорукость обозначается плюсом? — спросил я своего спутника-американца.

— Почему вы так думаете?

— А вот врач прописал мне стёкла плюс два.

Когда приехали, я задал оптику тот же вопрос. Оптик ответил:

— Не может быть, чтобы он ошибся. Раз он прописал, значит вам нужны вот эти именно стёкла, — и он подал мне очки.

Надел я их и спрашиваю аптекаря:

— Где вы?

— Я здесь.

— Странно, — говорю, — почему же я вас не вижу?

Тогда он дал мне стёкла, которые я просил вначале. Сквозь них всё было видно отлично.

— Удивительно, — сказал оптик, — нужно снести с врачом. Я с ним сейчас поговорю по телефону.

Через три минуты оптик появился в матерской и сообщил:

— Доктор сказал, что очень может быть, что он и ошибся. К концу приёма у него самого начинает рябить в глазах. И велел дать вам то, что вы просите.

Я не знаю, были ли оптик и врач из штата Коннектикут в сговоре между собой. Однако врачи и аптекари в Америке действуют обычно в тесном контакте.

Патентованное готовое лекарство стоит здесь дешево и доступно каждому. Но за лекарство, которое нужно приготовить по рецепту, прописанному врачом, пусть это будет самая пустячная микстура, берут непомерно дорого. И любопытно, что на обороте рецепта, который выписывает врач, всегда имеется адрес определённой аптеки и врач никогда не позабудет добавить на прощание:

— Рекомендую воспользоваться этой апте-

СПОСОБНЫЙ УЧЕНИК

кой. Вам нигде не приготовят так хорошо, как там.

Какой процент комиссионных получает врач с каждого заказанного по его рекомендации рецепта, не знаю. Но при том сговоре между врачами и оптиками, который был раскрыт полицией, врач получал по три доллара с каждой пары очков, которые он заставлял покупать пациента.

На одной из улиц Нью-Йорка нам пришлось присутствовать при такой сцене.

Несомненно, застрахованный автомобилист сшиб пожилого человека. Собралась толпа. Ровно через минуту и тридцать секунд улица огласилась ревом сирен. Движение замерло по мановению резиновой палочки рослого «бобби»: подисмен пропуская к месту происшествия кареты «Скорой помощи» — «амбулусы». С промежутками в одну — две секунды, тормозя на полном ходу, подскочили четыре разноцветных санитарных автомобиля. Мы невольно умилились, увидев, с какой быстротой со всех сторон примчалась помощь к пострадавшему.

Из «амбулусов» проворно выскочили молодые люди в белых халатах и шапочках. Толпа расступилась. И три белых халата склонились над раненым, а один остался в стороне.

— Скорее подпишите эту бумагу, мистер, — быстро зашептал один халат. — И мы мгновенно доставим вас в лучшую больницу Нью-Йорка. Палаты с душем и радиолами. Только двадцать долларов в сутки.

— Если вы хотите жить, — убеждал другой, — выберите только нашу больницу. Выход на солнечную сторону. Роскошный парк. Полный покой. Репортерам вход воспрещён.

Человек, лежащий на панели, хрипел и закатывал глаза, а третий халат кричал ему в ухо:

— Только наша больница полностью электрифицирована! Всегда свежее электрокомпрессы! Полный выбор электрических горчичников!

Но жертва уличного движения была совершенно равнодушна к радиолам и электрическим горчичкам. Увидев, что бизнеса нет, красноречивые халаты молча вскочили в свои «амбулусы» и умчались, завывая сиренами. Тогда, наконец, к неплатёжеспособной жертве подошёл четвёртый халат — представитель городской больницы, оказывающей бесплатную помощь.

Я жил не в отеле, а на частной квартире. И вот однажды раздался робкий звонок. В прихожей появился розовощёкий, пышущий здоровьем незнакомый мне американец и, раскланявшись, сказал замогильным голосом:

— В этом мире всё недолговечно и тленно, мистер. Вечна одна лишь душа. Не правда ли, мистер?

Я ответил неопределённым жестом, стараясь понять, кто передо мной: сумасшедший или уполномоченный по вербовке новых членов в какое-нибудь мистическое общество? А розовощёкий американец, скорбно вздыхая, продолжал:

— Всё зыбко, всё неечно, мистер, нужно это признать...

И вдруг в нелогичной связи американец бодро заявил:

— Я предлагаю вам приобрести недвижимую собственность. Прекрасный вид! Цветущая долина! Гарантированное уединение!

— К чему же мне долина и вид, раз всё так зыбко и непрочное?

— То, что предлагаю вам я, мистер, — это вечно. Наша компания по продаже кладбищенских участков...

— Но я ещё не собираюсь кончать земные счёты.

— Нашей компании будет очень прискорбно, мистер, если это случится. Мы желаем вам жить ещё двести двадцать лет. Приобретая наш участок, вы вольны его заселять, когда вам вздумается. И почему обязательно несчастье должно быть с вами? У вас ведь, надеюсь, есть родственники?..

Но я наотрез отказался от покупки места для вечного успокоения, чем не доставил никакого удовольствия розовощёкому посланцу из загробного мира.

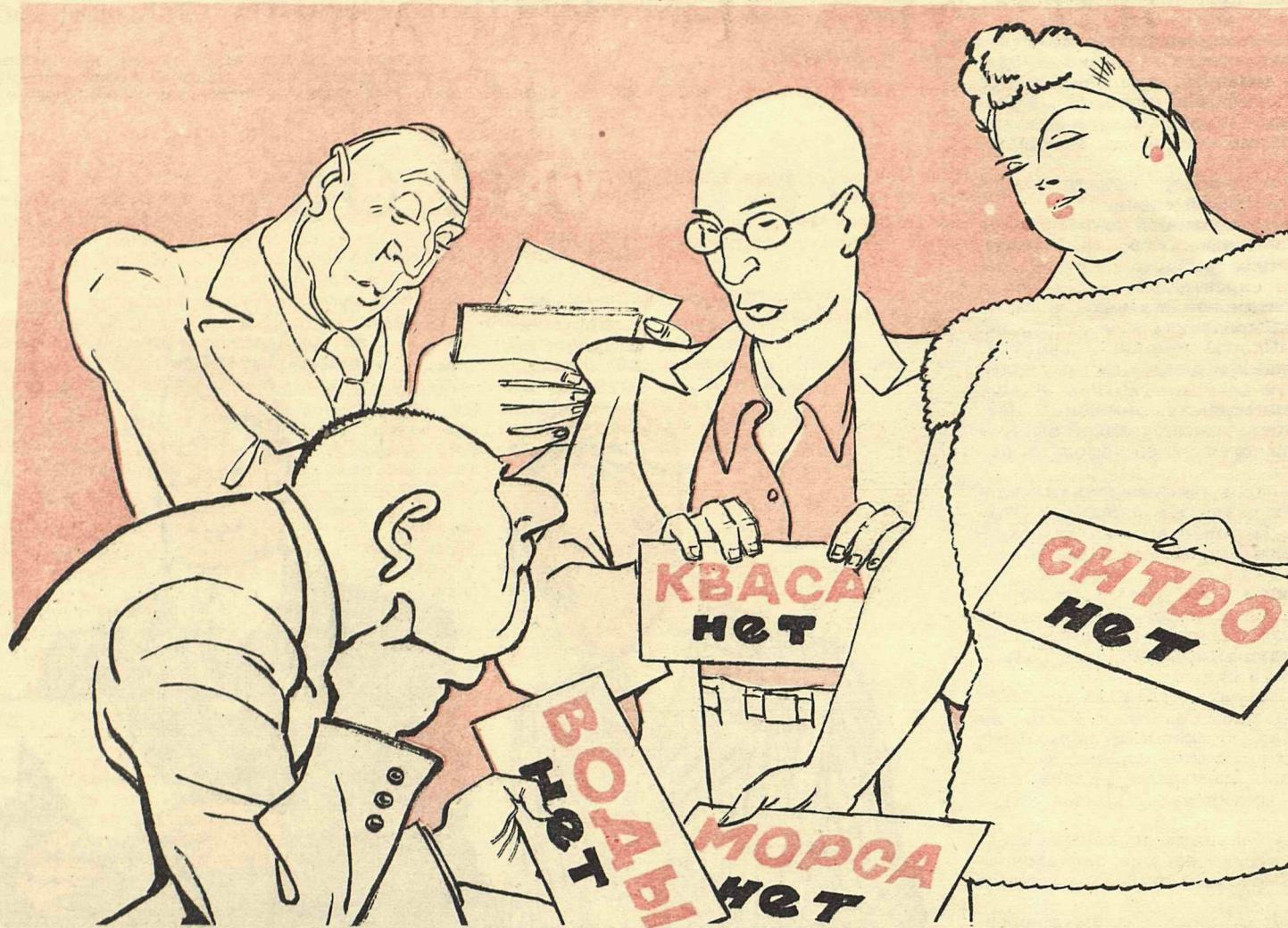
Как видите, не только лечиться, но и спокойно помереть в Америке — слишком дорогое удовольствие.

Рис. Л. БРОДАТЫ

Китайские реакционные газеты при активной помощи американского агентства Ассошиэтед пресс распространяют клеветнические измышления о Советском Союзе.

— Пишет он ещё неважно, но врёт уже здорово!

— Ещё два-три таких плакатика — и киоски будут обеспечены всем необходимым!

РЕПРОДУКТОР

ЛЮБИМЕЦ мамы, папы, бабушки и дедушки, четырёхлетний Валерик, усевшись за стол, громко произнёс:

— Когда же мне, чорт возьми, дадут ужинать?!

При этих словах папа поднял глаза на маму, мама сделала гримасу бабушке, а бабушка театральным жестом указала на дедушку и громко прошептала:

— Вот...

— Что «вот»? — спросил дедушка.

— Твои слова, — ехидно улыбаясь, ответила бабушка.

Дедушка на это ничего не мог возразить. Он только пробурчал:

— Хорошо, подождём, пока юн заговорит твоими словами...

Ожидать пришлось недолго. Отходя ко сну, Валерик сказал:

— Завтра надо с утра пораньше выйти и занять место на песке, а то эта гадюка Танька из седьмой квартиры занимает самую середину лужи и говорит, что она раньше пришла...

— Почему же это, Лерочка, ты называешь Таню гадюкой? — с добродетельной педагогической улыбкой спросила мама.

— Да уж гадюка, — ответил Валерик. — Я знаю, что гадюка. У этой Таньки и мама — гадюка. Наша бабушка всегда её так называет за то, что она всюду нос суёт...

В эту ночь бабушка с дедушкой долго гудели на два голоса в своей комнате. Очевидно, обсуждался вопрос о лексиконе Валерика. А утром Валерик поддал жару.

Когда мама, не расслышав, переспросила Валерика, куда он шёл свой мячик, она услышала такой ответ:

— Мячик под кроватью. И за какие только грехи я должен разговаривать с такой тетерей, которая ничего не слышит!

— Это ты свою маму называешь тетерей? — угрожающе начал папа.

Но ответила ему мама:

— Конечно, он повторяет твои слова...

— А вот я ему покажу, как грубить своей маме! Пойди сюда, негодяй...

Но Валерик, ретируясь во двор, успел сказать:

— Зачем я к тебе пойду, когда ты вот кто...

И Валерик постучал согнутым указательным пальцем по деревянному столу, после чего выскользнул в дверь.

— А вот это твои слова... — с некоторой даже радостью сказал папа. — Ты не раз так постукивала, считая, повидимому, что это остроумно и убедительно... А Валерик, как репродуктор, всё повторяет...

В тот же вечер состоялось собрание предков Валерика. После горячей дискуссии была вынесена резолюция: «Учитывая необычайную восприимчивость Валерика, всем его родственникам по восходящей линии воздерживаться в его присутствии от наиболее крутых изречений».

Однако, несмотря на то что резолюция была вынесена единогласно, выполнение её оказалось довольно трудным делом.

Иногда бабушка, огорчённая тем, что супруг не точно выполнил её указания, чего и в каком количестве купить, рассматривая покупки, сердито начинала:

— Сколько раз я тебе говорила, старому идиоту... — и, посмотрев на Валерика, добавляла: — Что же это ты, дедушка, что же это ты, дорогой мой, накупила, а?.. Ай-я-яй! Валерик, пойди погуляй во двор...

— Да, да, — подхватывал дедушка, — иди, малыш, во двор, там интересный мотоцикл прикатил, весь зелёный, — и, повернувшись к бабушке, твёрдо произнесла: — Пускай

теперь тебе за покупками медведь хо... Ах, ты ещё здесь, Валерик... Что же это ты, внучек, не идёшь мотоцикл смотреть?.. Бабушка, моя дорогая, теперь ты будешь сама ходить за покупками...

Папе с мамой приходилось ещё круче. Иной раз «содержательная» беседа родителей Валерика превращалась в сложную систему иносказаний.

— Боже мой! — восклицала мама. — Меня всегда поражает, как у некоторых людей совершенно отсутствует способность понимать самые простые вещи.

— Ну да, — отзывался папа, очаровательно улыбаясь, — это потому, что некоторые люди обладают удивительной способностью всё запутать...

— А не правильнее ли будет сказать, что у некоторых людей такой ужасный характер, поэтому они из-за упрямства всегда спорят...

— Но как же можно согласиться, когда некоторые люди пытаются убедить тебя в том, в чём они сами ни уха, ни рыла...

Очень трудно было папе с мамой... Но всё же система воздержанности постепенно стала давать плоды.

Валерик перестал ужасать родных и знакомых сильными изречениями. Его лексикон стал иным. Однажды родители услышали, как Валерик спорил со своими друзьями по поводу того, где располагать посты для оловянных солдатиков в созданной для них крепости на подоконнике. И в запальчивости Валерик сказал:

— Удивляюсь, как некоторые люди не понимают, что часового надо ставить у входа. Некоторые люди не понимают ни рыла, ни уха, но обладают удивительной способностью всё запутать!..

Вукол БУЛАВКИН

НИКОГО НЕ КАСАЯСЬ...

Н У И ЧУДАК же этот Ефимчиков! Без улыбки не могу о нём вспомнить!

Наднях он говорит мне:

— Послушайте, дорогая Марфа Петровна!

Кстати, вот что хочу отметить, Марфой Петровной меня зовут недавно — недели две. А раньше меня так не звали.

Раньше я была просто гражданкой Катушкиной. Но ровно две недели тому назад в моей автобиографии случилась перемена декорации.

Дело, видите ли, в том, что с моим мужем стряслось повышение по службе. С того дня я и стала Марфой Петровной.

Так вот этот смешной Ефимчиков и говорит мне:

— Послушайте, дорогая Марфа Петровна, как вы можете жить и существовать в доме, заселённом исключительно сослуживцами вашего супруга?

По этому вопросу Ефимчиков говорил минут двадцать пять. Не меньше. Я даже не всё поняла, что он говорил. Упомянул, между прочим, про мой собственный сок.

Дескать, я с мужем круглую неделю, включая выходной день, варюсь в собственном соку. Чудак!

Боже мой, какую чепуху несёт этот Ефимчиков! Ну что из того, что я живу в одном доме с другими сотрудниками нашего главка? Каждый существует сам по себе. Они меня не касаются, а их не касаюсь.

Вот, к примеру, рядом со мной, в девятой квартире, проживают супруги Семёшкины. Ноги моей у них не бывает. И я не знаю, как они живут, что они поделывают. И, поверьте мне, я даже понятия не имею, почему они вечно спорятся между собой. Правда, я понимаю этого Семёшкина: жена его — плохая хозяйка, и у неё каждый день убегает молоко из кастрюли, и кошка съедает жиры. Но мне какое дело до их кошки и жиров? Они меня не касаются, а я их не касаюсь!

Я же, право, не такая мешанка, как эта рыжая Елена Семёновна из одиннадцатой квартиры! Та про всех жильцов нашего дома знает все сплетни. Вчера, например, встречаю её на лестнице, и она минут сорок (человеку нечего делать!) щебетала мне о том, что Киреев из восьмой квартиры — подхалим, приглашает к себе каждую субботу вечером своего непосредственного начальника и угощает его охотничьей водкой и швейцарским сыром. А зачем мне это знать? Что мне, я вас спрашиваю, до Киреева? Он меня не касается, и я его не касаюсь!

Ох, эта рыжая Елена Семёновна! Кстати, она уж не такая рыжая, как притворяется. Мне точно известно, что она каждую пятницу красит волосы. Но дело не в этом. Волосы —

это её частное дело. Но, скажите, пожалуйста: откуда она достаёт билеты на все театральные премьеры и даже в цирк? И почему ей пишет нежные письма один заслуженный тенор из числа лауреатов? А? Что скажете? Впрочем, бог с ней. Я за её поступки не отвечаю. Они меня не касаются, и я их не касаюсь!

Вообще, как вы уже успели заметить, я не люблю совать нос в чужие дела. Вот, например, сегодня утром была такая история. Прохожу мимо швейцара — это внизу, в нашем подъезде, — и вижу: он пьёт чай, а возле него лежит на столике телеграмма.

Смотрю: Агафонову. Какому Агафонову? В нашем доме целых три Агафоновы, и, заметьте, все — однофамильцы.

По содержанию телеграммы я сразу догадалась, что это тому, который живёт в шестой квартире. Он, представьте себе, лысый, служит в плановом отделе, а пишет всякие стихи, поэмы и отрывки.

Телеграмма, оказывается, местная. Его приглашают зайти в редакцию.

Зачем? Ясно без слов: хороших поэтов не приглашают.

Просто вызывают его, чтоб сказать: брось, братец, портить бумагу, не твоего ума это дело! Я так поняла. И, помоему, правильно поняла. Вы согласны со мной?

Тут же, у лифта, встречаю акушерку Сак-Сафонову из шестой квартиры и рассказываю ей обо всём этом. Говорю ей, конечно, по секрету. Я же не люблю трепаться! А она (ох, есть ещё у нас такие болтушки!) в тот же день рассказала это Ирине Капитоновне, а Ирина

Капитоновна — Семёну Петровичу, а Семён Петрович — своей жене, а жену его хлебом не корми, а подавай ей вот такие истории.

Словом, к вечеру весь дом знал, что стихи Агафопова забракованы. Вот какие у нас соседи! И поэтому я не хочу иметь с ними ничего общего. Короче говоря, они меня не касаются, и я их не касаюсь!

Не правда ли, я правильно поступаю? И со мной вполне согласна Анна Васильевна. Это жена нашего сотрудника Петряева. Очень, между прочим, симпатичная женщина! Очень симпатичная! Не понимаю только, откуда у неё в последнее время столько новых платьев появилось, а у мужа — какие-то дорогие галстуки... Но это опять-таки меня не касается.

И вообще я не лезу в чужие дела. И не позволю лезть в мои дела. Вот почему я себя хорошо чувствую в нашем доме. А этот Ефимчиков треплется насчёт собственного сока. Чудак! Без улыбки не могу о нём вспомнить.

Г. РЫКЛИН

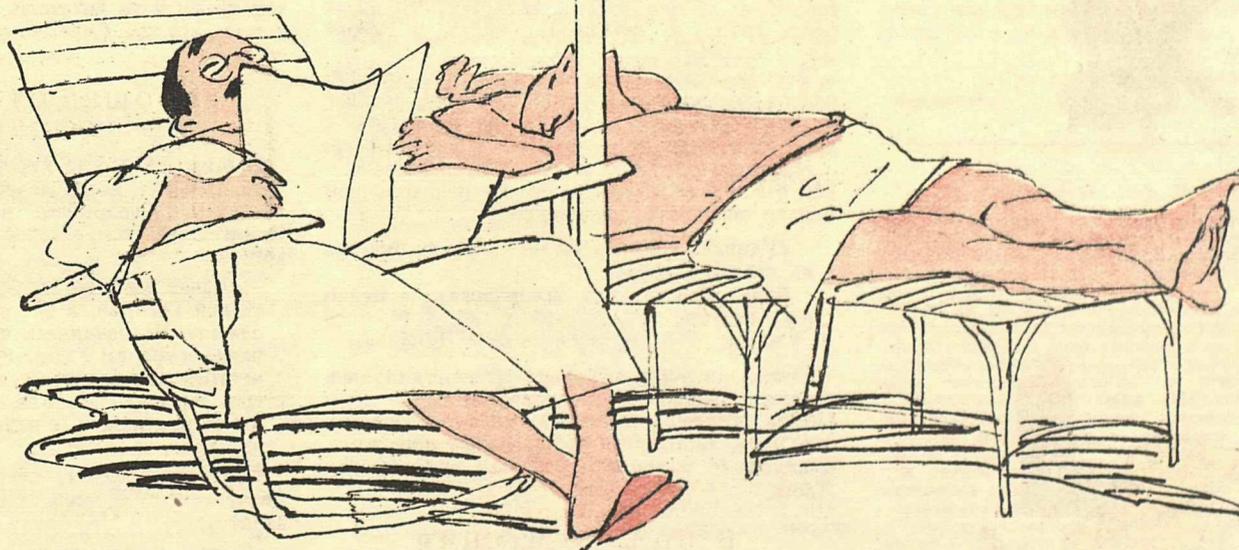

Рис. В. ГОРЯЕВА

ВНИМАНИЮ ХОЗЯЙСТВЕННИКОВ!

— Алло! Алло! Передаём долгосрочный прогноз погоды. После лета и осени ожидается зима. Возможны морозы и снегопады. Не исключена также возможность получения выговоров за неподготовку к зиме!..

БРАКОДЕЛАМ
НАШ ПОДАРОК —
ОБРАЗЦЫ
ФАБРИЧНЫХ МАРОК

Рис. Е. ЕВГАНА

Фабрике «Маяк» (г. Щербаков, Ярославской обл.), фабрикующей незажигаются спички.

Ново-Ивановской мануфактуре, специализировавшейся на выпуске льняных тканей.

Владивостокскому лесозаводу, изготовляющему саморазваливающуюся мебель.

Артели «Кожобувь» (г. Слободск, Кировской обл.), чьи сапоги разрезаются через неделю.

В. БАХНОВ

ПЕРЕЛИЦОВЩИК

Он никогда войны не видел,
Но это, право, пустяки.
И, далеко от фронта сидя,
Он в нижеследующем виде
Слагал военные стихи:

«Пришла война! Пришли бои!
Не гром гремит, а канонада,
И где свистели соловьи,
Свистят лишь бомбы и снаряды».
И дальше всё в такой же мере
Легко

писал он много лет.
Но кончилась война, и пере-

лицовкой увлечён поэт:
«То гром гремит — не канонада.
Прошла война! Прошли бои!
И где свистели лишь снаряды,
Теперь свистят лишь соловьи».

Но темы новые приходят
И новых требуют стихов —
О новостройках, о заводе...
Ну, что ж, поэт и к ним готов:
«На фронте трудовом — бои!
Грохочут стройки, а не грозы,
И песни нам поют свои
Не соловьи, а паровозы!»

С ПОЖАРНОЙ ВЫШКИ

Колхоз «Шахтёр» (Жорноуховский район, Татарской АССР) считается отстающим. Чтобы исправить положение, туда на время весеннего сева был послан в качестве уполномоченного районный прокурор Фатхуллин. Захватив с собой маленький бинокль, прокурор немедленно отбыл к месту назначения.

— Есть у вас пожарная вышка? — осведомился он, прибыв в колхоз.

Оказалось, что есть. Вооружившись биноклем, уполномоченный взобрался на вышку и стал наблюдать за ходом сева.

Наступает уборочная кампания. Уполномоченным в колхозе остаётся тот же тов. Фатхуллин. Руководить он будет попрежнему с пожарной вышки. Но весенние уроки должны быть учтены. А эти уроки говорят о том, что если в прокурорских руках окажется тот же бинокль, уборка может провалиться.

Необходимо срочно вооружить тов. Фатхуллина другим, более эффективным средством руководства.

БУДЕМ РУГАТЬСЯ

Как жаль, что канули в вечность времена дуэлей и ответственный секретарь редакции хабаровской газеты «Тихоокеанская звезда» тов. Идов лишён возможности послать своих секундантов к директору местного цирка тов. Писареву!

Вместо дерзкого вызова пришлось ограничиться весьма прозаическим письмом, которое вручила дирекции редакционная курьерша, с успехом заменившая устаревших секундантов.

Прочитав послание Идова, Писарев побледнел и в страхе закрыл глаза. На редакционном бланке значилось следующее:

«Удивлён тем, что вы не прислали билетов на открытие цирка.

Если будете нас игнорировать, — будем ругаться.

С приветом П. Идов».

Теперь ни днём, ни ночью хабаровский цирк не знает покоя. Даже выдавший виды укротитель хищников, без страха кладущий в пасть льва свою голову, — и тот трепещет при воспоминании о грозном послании приветливого Идова.

О ПОЛЬЗЕ ЧТЕНИЯ

Нам доподлинно известно, что заведующий Малоарославецким районным отделом сельского хозяйства Семён Кузьмич Водохлёбов — очень занятой человек. Его рабочее время настолько уполноценно всевозможными заседаниями и совещаниями, что буквально не остаётся времени что-нибудь почитать. Тем не менее берём на себя смелость просить уважаемого Семёна Кузьмича урвать несколько минут и познакомиться с этой заметкой.

Из неё он не без пользы может узнать, что в Малоарославецком районе, мягко выражаясь, не всё благополучно со скотом. А именно: только за последние 5 месяцев пало и было разбазарено несколько сот голов крупного рогатого скота, овец, свиней и лошадей.

Может быть, тов. Водохлёбов найдёт ещё 2—3 минуты и займётся выяснением, кто виноват в этом?

Очень просим извинить нас за беспокойство. Постараемся больше этого не делать.

ЗАТЯНУВШИЙСЯ СПОР

Мнения читателей газеты «Выборгский большевик» разделились. Одни считают, что редактор этой газеты тов. Сиренин плохо знает географию. Другие склоняются к тому, что тов. Сиренин плохо читает редактируемую им газету. А возник спор потому, что недавно «Выборгский большевик» напечатал заметку о пятинадцатилетии города Комсомольска на Амуре под рубрикой «За рубежом».

Спор затянулся. Чтобы внести ясность, мы занялись тщательным изучением газеты в целом. Проведённая нами исследовательская работа со всей очевидностью подтвердила правоту тех читателей, которые считают, что тов. Сиренин плохо знает географию. Но вместе с тем правы и те читатели, которые склоняются к тому, что тов. Сиренин плохо читает свою газету.

ХОРОШЕЕ ОТНОШЕНИЕ
К КОЗАМ

В Миргороде есть курорт. При курорте есть парк. В парке, возле лечебного корпуса, пасутся козы. Курортники не совсем довольны таким соседством, и один из них пишет в Крокодил:

«Давно уже нет в Миргороде лужи, описанной Гоголем, и нет свиньи, которая в ней лежала. Но начальник материального обеспечения курорта Кобылинский старается возместить эту утрату, создавая идиллию другого порядка... Кстати сказать, две козы из числа пасущихся в парке принадлежат лично ему».

Имеются, конечно, основания вспомнить по этому поводу Гоголя. Но не надо и Чехова забывать.

«Свинец на дороге не найдёшь, купить надо, а гвоздик не годится. Лучше гайки и не найти...» — оправдывается чеховский «злоумышленник», свинчивавший гайки с рельсов для изготовления грузил.

Вполне может оправдаться и начальник Кобылинский:

— Корм для коз на улице не найдёшь, купить надо, а Миргородская площадь под пастище не годится. Лучше парка и «не найти»!

Новое в технике

ТЕЛЕФОН-АНТИБОЛТУН

Автоматически оберегает не в меру разговорчивых абонентов от разглашения не подлежащих оглашению вещей. Способ пользования весьма несложен: снимите телефонную трубку (А) и, перед тем как огласить сверлящую ваш мозг (Б) тайну, наберите на диске (С) номер телефона вашего случайного полужнакомого. Сделанная в виде сжатой в кулак руки (см. чертёж) телефонная трубка-предохранитель при этом механически разомкнётся, зажмёт вам рот и тем самым предохранит вас от совершения недостойного поступка.

ОБЩЕДОСТУПНЫЙ ДУШ

От любой дождевой тучи (А) проводят водосточную трубу к ближайшей (см. чертёж) крыше. Нижний край трубы закрывают дырявой (О) крышкой от жестяной консервной банки. Раздвинув донага, вы становитесь под этот неземанно-словатый аппарат и терпеливо ждёте обещанного Институтом прогнозов дождя. Если прогноз на этот раз не будет ошибочным, вы, несомненно, освежитесь, не вводя администрацию своего завода в расходы на постройку комфортабельных кабин с душами.

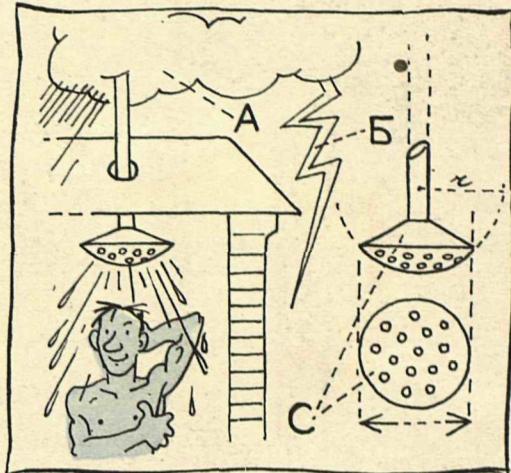
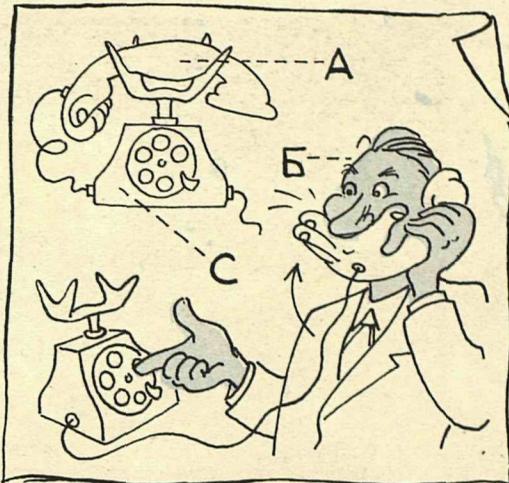

Рис. А. БАЖЕНОВА

Дорогой Крокодил

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Тяжёлый случай произошёл в одном из колхозов Ордежского района, Ленинградской области.

Здесь решено было приучить быка к полевым работам. Для этого требуется кольцо, которое вдевается быку в нос. В феврале этого года сельсовет дал ветеринарному фельдшеру заявку на одно кольцо, тот переслал заявку в район, а район переслал заявку в Ленинград.

И вот сельсовет командировал своего представителя в Ленинград за кольцом. Когда оно изделие было доставлено в колхоз, то оказалось, что заплатили за него всего 2 р. 75 к., но командировочные и проезд обошлись в 113 рублей.

В это время бык взбесился. К счастью, уже не было необходимости в быке. К тому времени, когда кольцо было получено в колхозе, весенние полевые работы закончились.

Я. ВАЛИН

пос. Ордеж,
Ленинградской обл.

Товарищ Крокодил!

Я очень люблю природу. Особенно природу Подмосквы. По-моему, нет ничего приятнее, как в выходной день покинуть душный город и очутиться с женой и ребятами где-нибудь в лесу.

Так я и поступил в один из выходных дней. Для прогулки был выбран Томилкинский лес. Быстро мчит машина по Рязанскому шоссе. Минувем деревню Жилино. Подъезжаем к опушке леса. Вдруг резкий, как выстрел, хлопок — лопнул баллон. С досадой выхожу из машины и устанавливаю, что автомобиль наскочил на маленького проволочного «ежа», нехитрое сооружение, оставшееся, видимо, здесь ещё с военного времени. Пока возмущённый с повреждением, остальные три баллона тоже испускают дух. Растерянный, оглядываюсь по сто-

ронам. Оказывается, подступы к лесу сплошь утыканы «ежами».

Подосевший к месту аварии лесничий объясняет: «ежи» поставлены для того, чтобы ни одна машина не могла проникнуть в лес. Такого распоряжение управления лесоохраны Мособлсполкома, которое в целях борьбы с хищениями древносаждений нашло столь остроумный выход. Причём дело поставлено на весьма солидную ногу. Специальный завод занимается производством этих «ежей», и проколосной продукции хватит для всех автомобилей Москвы и даже области.

А. ГРИГОРЬЕВ

Москва.

Уважаемый Крокодил!

Как успешнее ликвидировать физкультурное движение в районе? Стремясь разрешить эту сложную проблему, председатель Раутовского райсполкома тов. Гусев назначил руководителем районного отдела физкультуры и спорта тов. Сергеева, занимающего по совместительству пост экономиста отдела сельского хозяйства. Результаты превзошли все ожидания тов. Гусева.

Спортсменов это, однако, не устраивает. Они требуют, чтобы физкультурой и спортом руководил человек, который не только получает два раза в месяц заработную плату, но и кое-что понимает в футболе, скажем, или в хоккее. Привередливая нынче пошла молодёжь! Соревнование двух точек зрения продолжается. Пока первенство держит тов. Гусев.

Б. АВРАМОВ

Раутовский район,
Ленинградской обл.

16+7+60=?...

Дорогой Крокодил!

Получил наш конный завод «Восход» от московской группы бланкоснабжения «Союзсовхозснаба» счёт за № 51: за посланные нам 10 бланков бухгалтерского учёта с нас причиталось 16 копеек. На эту сумму была сделана наценка 7 копеек. Всего нашему заводу полагалось уплатить 23 копейки.

Против такого счёта возражать мы не смели. Но, когда этот счёт в 23 копейки мы получили

казанным письмом, оплаченным маркой в 60 копеек, я невольно вспомнил старую народную сказку об одном умнике, которому братья поручили пасти овец.

Видит умник, что овцы разбрелись по полю, давай их ловить да глаза выкалывать. Собрал всех слепых овец в кучу и доволен, что стадо сберёг.

Вспомнил я эту сказку так, между прочим. Аналогии тут никакой нет и быть не может: ведь сказочный умник никакой заработной платы от государства не получал.

И. ДУБИНСКИЙ

Краснодарский край.

Товарищ Крокодил!

Дирекция дома отдыха на Белом озере в Ульяновской области сделала всё от неё зависящее, чтобы мой отдых был занимательным. Я научился играть в бильярд, в котором было всего семь шаров. Затем я освоил семиструнную гитару из шести струн. После этого я развлекался патефоном, в котором не было иголок, а по вечерам слушал немые звуковые фильмы.

После десяти дней пребывания на Белом озере я пресытился отдыхом и вернулся домой. Родные меня не узнали: так я поправился. На целую бороду: в доме отдыха не было парикмахера, и я ни разу не брился.

В. ПЛАТОНОВ,
секретарь райкома ВЛКСМ.

Безенчук.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

• В № 10 Крокодила было напечатано письмо читателя тов. Удоленко о грубости следователя Шальгинского района Коновалова.

Приказом прокурора Сумской области Коновалов с работы снят.

• В № 12 Крокодил опубликовал материалы своих специальных корреспондентов из Запорожья. Между прочим, сообщалось о том, что у железнодорожного цеха завода «Запорожсталь» есть прямая телефонная связь со всеми станциями. Однако начальник цеха Прудников отказался предоставить заводские столбы, чтобы пропустить вторые пары проводов для Запорожстроя.

В связи с этой корреспонденцией редакцией получена следующая телеграмма:

«Искренне благодарны Крокодилу за статью в двенадцатом номере. После четырёхмесячной волокиты Прудников разрешил строительство связи для желдорцеха Запорожстроя по столбам завода.

Главный диспетчер Запорожстроя Лубенец».

Редактор Г. РЫКЛИН. РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. ШВЕЦОВ.

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал—3 руб. 20 коп. в месяц

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Москва.

Изд. № 501.

Подп. к печати 12/VI 1947 г.

Статформат 72×105 см. Печ. л. 1½.

Кол. в т. в 1 печ. л. 78 000

А—06523.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 1914. Тираж 150 000 экз.

М
Бальзак

Рис. Ю. ГАНФА

Среди литературных новинок, выпускаемых буржуазными издательствами Франции, мелькают такие названия: «Смерть без погребения» (Ж. П. Сартр), «Дневник мертвеца» (М. Беалю), «Ангел смерти» (Мартин), «Смерть и завтра» (Петер де Польней) и т. д.

- - Предупреждаем, господа Мопассан, Франц и Бальзак, что сейчас издавать вас не будем. Вы хорошо знали жизнь, а нас интересуют только вопросы смерти.